

ЛИТЕРАТУРА

УДК 821.161.1.09 «19»

В.Н. Аношкина-Касаткина

Московский государственный областной университет

РОМАНТИЧЕСКИЙ ПСИХОЛОГИЗМ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА И Ф.И. ТЮТЧЕВА *

V. Anoshkina-Kasatkina

Moscow State Regional University

ROMANTIC PSYCHOLOGISM OF M. LERMONTOV AND F. TYUTCHEV

Аннотация: В статье утверждается: оба поэта, Тютчев и Лермонтов, являясь современниками в 1820-1830 годах, в своём кругу имели целый ряд общих близких знакомых, оба выражали интерес к важным проблемам мировой истории и выдающимся личностям (Наполеону, Байрону, кризисным явлениям в европейской культуре). Яркая творческая индивидуальность и глубокая художественная самостоятельность не мешают обнаружению типологического сближения этих поэтов в области романтического психологизма – в понимании сложности душевно-духовного мира человека, что получило отражение в жанрово-стилевых образованиях их лирики: думах, исповедях, молитвах, снах, любовных признаниях и разуверениях.

Ключевые слова: дума, исповедь, мировая история, молитва, психологизм, творческая индивидуальность

Abstract. The article affirms: both poets, Tyutchev and Lermontov, being contemporaries in 1820-1830, had some of the general close acquaintances in the circle, both expressed interest to important problems of world history and outstanding persons (to Napoleon, Byron, the crisis phenomena in the European culture). Bright creative identity and deep art independence don't prevent from detection of typological relations of these poets in the field of romantic psychologism – in understanding of complexity of a sincere inner world of the person that received reflection in genre and style formations of their lyrics: ballads, confessions, prayers, dreams, love recognitions and disbelief.

Key words: ballad, confession, world history, prayer, psychologism, creative identity.

Тютчев Фёдор Иванович (1803—1873) и Михаил Юрьевич Лермонтов (1814-1841) относятся в годы своего творческого становления к одному историческому периоду жизни России — Александровскому, времени расцвета национального самосознания, активных философских поисков, закреплённых и развитых в общественных умонастроениях затем в 1830-х годах. Именно в это десятилетие осуществляется тютчевско-лермонтовское многими замеченное вхождение в русскую литературную жизнь: 24 стихотворения Тютчева («Ф. Т.») были напечатаны в пушкинском «Современнике» 1836 года; Лермонтов же, полный поэтического вдохно-

© В.Н. Аношкина-Касаткина, 2013.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект №12-34-10216

вения начинал печататься, а в 1837 году приобрёл славу, тоже связанную с Пушкиным, его трагической кончиной. Стремительность и страстность реакции на неё поэтов – Лермонтова «Смерть поэта» и Тютчева «На смерть Пушкина» (ныне печатается под названием «29-ое января 1837») – объективно обозначили преемственную связь обоих с творческим наследием старшего русского гения. Лермонтов в стихах более гневно темпераментен и требователен возмездия, но Тютчев не менее силён в общей пронизательной оценке Пушкина: «Тебя ж как первую любовь, / России сердце не забудет!..» [9, т. I, с. 175], а осуждение Дантеса тоже смело и сильно, как и у младшего современника: «Навек он вышею рукою / В “цареубийцы” заклеимён» [9; I, 175]. Однако у названных поэтов значительнее, чем у их знаменитого предшественника, выражены философские искания в понимании человека, его духовно-душевного мира и места в космическом бытии [2, с. 66-67]. Европейская образованность и патриотическая приверженность русским патриархальным традициям сближали обоих и на раннем этапе их становления, и в дальнейшие годы. Чтение сочинений М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, И.И. Дмитриева, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, а из западноевропейских — И.В.Е. Гёте, Ф. Шиллера, Д.Г. Байрона, Г. Гейне совпадают, хотя для Лермонтова английский романтик занял совершенно особое место (как его дальний предок и в чём-то эталон социально-этических норм), а для Тютчева ясна была и индивидуалистически-романтическая ограниченность английского гения. Иногда даже совпадал выбор стихотворений для перевода: байроновское «Lines written in the album at Malta» перевели: Тютчев «В альбом друзьям» (1827) и Лермонтов «В альбом» (1836); гейневское стихотворение «Ein Fichtenbaum steht einsam...» – у Тютчева «С чужой стороны» (не ранее 1823), у Лермонтова «На севере диком...» (1841); затрудняются в определении, чей перевод лучше.

У Тютчева и Лермонтова оказался общий домашний учитель С.Е. Раич, который

с 1813 до 1819 гг. жил в доме Тютчевых, а с 1827 по 1829 гг. учил Лермонтова. Раич весьма одобрял творческие дарования обоих своих учеников и влиял на формирование их интереса к античности. Вторым общим и влиятельным для того и другого учителем был А.Ф. Мерзляков, с которым Тютчев был связан как начинающий поэт в период с 1816 г. по 1821 г., а Лермонтов с 1828 г. по 1829 г. Тютчев и Лермонтов, оба обучавшиеся в Московском университете, хотя и в разное время, слушали лекции не только Мерзлякова, но и М.Т. Каченовского, учились по работам И.И. Давыдова. М.П. Погодин, лекции которого слушал Лермонтов и который был университетским другом В.З. Зиновьева, учителя Лермонтова, известен как приятель по университету и Тютчева, все они: Тютчев, Погодин и Зиновьев – учились на словесном отделении Московского университета в одно время. М.А. Максимович, друг Тютчева, — учитель Лермонтова.

И.С. Гагарин – восторженный почитатель поэзии Тютчева и его мюнхенский друг в середине 30-х годов – к концу этого десятилетия становится членом «кружка шестнадцати», в котором был и Лермонтов. Е.П. Сушкова (Ростопчина) — приятельница Лермонтова, как и Е.А. Сушкова — племянница Н.В. Сушкова, зятя Тютчева; с Е.П. Ростопчиной Тютчев был лично знаком и посвятил ей стихотворение. Карамзины, П.А. Вяземский, П.Я. Чаадаев, С.П. Шевырев, Ю.Ф. Самарин, А.С. Хомяков, Н.Ф. Павлов и др. – люди, с которыми общались оба поэта, хотя и в разное время [2].

Тютчев и Лермонтов были связаны с журналами «Галатей» и «Атеней», в которых печатался Тютчев и которые читал Лермонтов. С поэзией Тютчева Лермонтов мог познакомиться через Раича, Гагарина.

В начале 40-х годов Лермонтов и Тютчев соприкоснулись с одним и тем же кругом русских литераторов. Лермонтов, находясь в это время в Москве, часто встречался с Ю.Ф. Самариним, познакомился с А.С. Хомяковым, несколько вечеров провёл у Н.Ф. Павлова,

подружился ещё в 1839 г. с П.А. Вяземским, встречался с А.Я. Чаадаевым, М.П. Погодиным. Тютчев побывал в Москве в 1843 г., а после окончательного возвращения в Россию в 1844 г. он столкнулся с этими же людьми, от которых должен был услышать о своём гениальном современнике, незадолго до того трагически погибшем [1]. Тютчев не мог не познакомиться с творчеством поэта по журнальным публикациям его произведений.

Значительная общность культурной среды поэтов, в целом общественная атмосфера 30-х годов, воздействующая на Лермонтова и Тютчева, привели к некоторым общим тенденциям в их творчестве, некоторым близким темам и образам, особенностям стиля [См.: 2, 3, 5, 7, 8, 10]. Оба поэта представляют собой вершинные явления русской и западноевропейской культуры, оба в 20-30-х годах воплотили в своей поэзии принципы романтизма и подняли русский романтизм на большую художественную высоту.

Первоначально, видимо, с влиянием Раича связано возникновение интереса у поэтов к древнему Риму. В то же время общественно-политическая обстановка 30-х годов в России и в Западной Европе побуждала обращаться к истории императорского Рима для обнаружения каких-либо общих закономерностей в мировой истории, что занимало как Тютчева, так и Лермонтова. Рисуя зловещие картины деградации общественных нравов в древнем Риме, поэты видели в них мрачные предзнаменования, касающиеся всего европейского привилегированного мира (см. «Умиравший гладиатор», «Это случилось в последние годы могучего Рима» Лермонтова, «Цицерон», «Кончен пир, умолкли хоры», «Рим ночью» и др. Тютчева).

Поэтические образы Наполеона у Лермонтова («Где бьёт волна о брег высокий», «Наполеон», «Эпитафия Наполеона», «Св. Елена», «Воздушный корабль», «Последнее новоселье») и Тютчева («Могила Наполеона», «Наполеон», «Неман») несут в себе сходную оценку выдающейся личности. Оба они через образ тени Наполеона, неудовлетво-

ренной, мятущейся (у Лермонтова) и беспокойной, ожидающей чего-то, но бессильной (у Тютчева), выразили мысль об ограниченных возможностях даже сильной личности, о торжестве объективного хода жизни над субъективной волей человека.

Социально-психологическое наполнение символических образов «ночи», «звезды», «ночной дороги» в поэзии Лермонтова «Светись, светись, далёкая звезда», «Вверху одна...», «Выхожу один я на дорогу...» и др. и Тютчева («Наш век», «Кончен пир, умолкли хоры», «Брат, столько лет сопутствовавший мне...», «Два голоса») несут в себе общие черты, выражая чувства человека, духовно угнетённого и стремящегося к чистым, «звёздным» идеалам.

Космизм мышления Лермонтова и Тютчева, образы мироздания в их поэзии, идеи глубокой противоречивости бытия, восприятие божественной красоты роднят этих поэтов, хотя получают глубоко своеобразное выражение в творчестве каждого из них. Если Тютчев, в особенности в 30-х годах, больше склонен к умозрительности, созерцательности, к натурфилософской проблематике, то поэзия Лермонтова проникнута острой социальностью, мятежом против косности, бездуховности верхних слоёв общества «нашего поколения».

Больше всего поэтическое родство Тютчева и Лермонтова обнаруживается в решении проблемы личности в их лирике. В творчестве поэтов шёл активный процесс совершенствования принципов романтического психологизма. Они акцентировали внимание на сложных противоречиях внутреннего мира человека, романтическими средствами показывая в лирике диалектическую двойственность человеческой психики.

Философский романтизм представлял цель искусства в познании универсума, получающего наиболее глубокое выражение в человеке. У романтиков речь идёт не о «другом» человеке, существование которого нужно было логически, философски доказывать, а о бесспорной данности – о самом себе, о

собственном «я». Познание мира через самого себя – вот исходный принцип психологического анализа в романтизме Лермонтова и Тютчева. Если мир можно познать через себя, нужно опуститься в глубины собственной души. «Лишь жить в себе самом умей...» [9, т. I, с. 123] – провозглашал Тютчев, а Лермонтов признался: «Я сам собою жил доныне...» [4, т. VI, с. 305].

Лирический самоанализ имеет следствием «одноголосие» романтической лирики. В их лирике преобладает звучание собственного голоса. Всё же «одноголосие» романтической «поэзии» Лермонтова и Тютчева весьма относительно. Их лирика обладает по меньшей мере «двухголосием».

Романтики, познавая суть человеческого «я», опускаясь в «тайник души», как выражался Лермонтов, или в «глубины души», по определению Тютчева, обнаруживают двойственность, противоречивость стремлений, желаний, эмоций человека. Эта двойственность отнюдь не обязательно выступает как столкновение добра и зла, оптимизма и скептицизма. Оба поэта, Лермонтов и Тютчев, в основном в своей лирике раскрыли противоречия в нравственных движениях личности, в её нравственном ядре. Процесс жизни активизирует в человеке то одно, то противоположное внутреннее стремление. Два внутренних голоса, звучащих в сердце человека – это самоутверждение и самоотрицание, признание самоценности личности и признание внеличностных ценностей, индивидуализм и космизм или альтруизм. Лермонтов отмечал в письмах: «Назвать вам всех, у кого я бываю? У самого себя: я приехал, я посещал – и признаюсь, довольно часто – родственников, с которыми я должен был познакомиться, но в конце концов, я убедился, что мой лучший родственник – я сам...» [4, т. VI, с. 703]. Так пишет он в 1832 г., а в 1835 г. отмечает другое: «Говорить вам о себе? Право, я так пресыщен своей собственной персоной, что, когда я ловлю себя на том, что восхищаюсь своей мыслью, я стараюсь припомнить, откуда я её вычитал. И в результате я дошел до того, что

перестал читать, чтобы не мыслить... Я бываю теперь в свете...» [4, т. VI, с. 717].

Подобное есть и у Тютчева: «Лишь жить в себе самом умей...» – провозглашает он. Но призывает и к противоположному – к побегу от себя: «Жизнь, которую я здесь веду, очень утомительная своей беспорядочностью. Её единственная цель – это избежать во что бы то ни стало, в течение восемнадцати часов из двадцати четырёх, всякой серьёзной встречи с самим собой...»

Считая, что глубинное в человеке, а вместе и сокровенные противоречия души не раскрываются в обыденной повседневности, поэты сосредоточивают внимание на особых, более или менее исключительных, временных или даже мгновенных состояниях душевной жизни, и в результате в их лирике появляются *исповеди, думы, молитвы, сны, завещания, посвящения, признания, разубере- ния* и т. д.

Есть общность в исповедях Лермонтова и Тютчева. Они несут в себе ряд общих структурообразующих признаков: рассказ об истории души «с начала жизни», «с детских лет», выражение момента самопогружения, создания картины души («Моя душа, я помню, с детских лет / Чудесного искала» – Лермонтов [4, т. I, с. 177]; «Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей! ...» – Лермонтов [4, т. II, с. 77]; «Душа моя, Элизиум теней...» – Тютчев [9, т. I, с. 142]; «Душа хотела б быть звездой...» – Тютчев [9, т. I, с. 115]). Утверждение самоценности души и противопоставление ценной личности равнодушному и жестокому внешнему миру, исповедание о мучениях души или о грехах. Первое больше свойственно Лермонтову («И я влачу мучительные дни...» [4, т. I, с. 178]), второе – Тютчеву («Не знаю я, коснется ль благодать / Моей души болезненно-греховной...?» [9, т. II, с. 37]). Исповедь Лермонтова обычно, хотя и не всегда, завершается идеей самоценности личности, верой и собственный гений и бессмертие («Но верю им! – неведомый пророк / Мне обещал бессмертье...», [4, т. I, с. 178]), в нравственные силы души («Под ношей бытия

не устаёт / И не хладеет гордая душа...» [4, т. I, с. 181]); сопровождается идеей морального самосохранения («Пускай шумит волна морей, / Утес гранитный не повалит...» [4, т. II, с. 95]). Исповеди Тютчева, наоборот, запечатлели процесс потери человеком самого себя, процесс омертвления души («Так и в груди осиротелой, / Убитой хладом бытия...» [9, т. I, с. 132]; «Хочу сознать себя и не могу...» [9, т. II, с. 137]; «Душа... сохла, сохла с каждым днем...» [9, т. II, с. 153]; «...для души еще страшней / Следить, как вымирают в ней / Все лучшие воспоминанья...» [9, т. II, с. 184]; прошлое души становится таким же чужим, «как брат меньшей, умерший в пеленах...» [9, т. I, с. 204]).

«Думы» Лермонтова и Тютчева также имеют общие жанровые признаки. В отличие от исповеди их думы направлены обычно на внешнюю действительность, отсюда дума несёт в себе формально-жанровый признак – образ человека, который «глядит», «смотрит», «видит», и думает: «Печально я гляжу на наше поколенье!...» [4, т. II, с. 113], «Гляжу на будущность с боязнью, / Гляжу на прошлое с тоской...» [4, т. II, с. 109] Лермонтова; «Сижу задумчив и один, / На потухающий камин / Сквозь слез гляжу...» [18, т. I, с. 165], «Гляжу с участием умиленным...» [9, т. II, с. 25] Тютчева. Дума воспроизводит внешнюю обстановку раздумья, или образ человека думающего. Великий мир в думе получает критическую оценку, одинокой личности выражено сочувствие. Лермонтовская и тютчевская дума – это размышление о враждебности социального бытия человеку, что побуждает личность уходить в мир собственной души. Однако в романтической думе, особенно в тютчевской, получает выражение идея мнимой значимости и человеческого «я», у него человек — «злак земной», «быстро вянувший», льдинка, исчезающая в океане жизни.

Вместе с тем творчество Лермонтова и Тютчева запечатлевает процесс романтической самокритики, или отрицания душевной полноты, отрицания ожидаемого. Для

Лермонтова, Боратынского, Тютчева характерны лирические «разуверения»: «Не искушай меня без нужды...» (Боратынский), «Не играй моей тоской...», «Ответ» («Кто муки знал когда-нибудь...»), «Опасение» (Страшись любви: она пройдёт...), «К *» («Я не унижусь пред тобой...»), «Монолог» («Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете...»), «К *» («Оставь напрасные заботы...»), «Нет, не тебя так пылко я люблю...» и др. (Лермонтов), «Не верь, не верь поэту, дева...», «И чувства нет в твоих очах...», «Нет боле искр живых на голос твой приветный...» (Тютчев). Структура «разуверений» включает в себя нередко обращение, обычно к нелюбимой, образ второго лирического героя, скорее всего, женщины, динамику, нарастание отрицания, повтор слов «нет», «не», идею отказа от обмана и самообмана или признание личной несостоятельности.

Жанр лирического «признания в любви» выразил поиски поэтами несубъективно-личностных ценностей, обозначил антииндивидуалистические настроения. Отличительный признак «признаний» — слово «Люблю» в зачине стихотворения: «Люблю грозу в начале мая...», «Люблю глаза твои, мой друг...», «Люблю, друзья, ласкать очами...» Тютчева, «Люблю я цепи синих гор...», «Люблю тебя, булатный мой кинжал...», «Люблю отчизну я...» Лермонтова. В «признании» с одической восторженностью или проникновенной задушевностью нарисован образ природы или любимой. В лирике признаний выражено стремление уйти от себя, от индивидуалистической замкнутости к другому человеку или в большой мир природы, родины.

Но с наибольшей остротой диалектика индивидуализма и антииндивидуализма противоречивой личности предстает в романтическом жанре «сна», основным признаком которого у этих поэтов является контраст между реальностью и сноведением, с чем связана двухчастная композиция «сна» («В полдневный жар в долине Дагестана» Лермонтова), или параллелизм сна и реальности («Сон на море» Тютчева).

У Тютчева и Лермонтова «поэзия сна» нередко выражает мысль об освобождении человека от индивидуалистического бытия реальности и приобщение в моменты самозабвения к внеличным ценностям. У Лермонтова красота музыки («Звуки»), у Тютчева – красота природы («Так, в жизни есть мгновения...») заставляют человека забыть себя и войти в мир антииндивидуалистический.

Однако отношение Лермонтова к грезам самозабвения двойственно. С одной стороны, критическая оценка социальной действительности, пестрой толпы бездушных людей в масках, вызывает потребность уйти от них и от себя как невольного участника их жизни: «И я счёт своих лет потерял / И крылья забвенья ловлю...» [4, т. II, с. 39], «Как он, ищу забвенья и свободы...» [4, т. I, с. 138]. В состоянии забвенья поэт хочет прикоснуться к истинной, чистой жизни или природы («Когда волнуется желтеющая нива...») или к непорочному миру детства («1-ое января»), или заветному кругу семьи и родины (греза – сон умирающего гладиатора), или к родине и образу любимой как высшим ценностям («Сон»), или к далёкому идеалу как несбыточной мечте («Сосна»).

Страстный герой Лермонтова отвергает обезличенную жизнь. Потеря человека самого себя, своего идеала – для него это трагедия. В целом творчество Лермонтова утверждает ценность личности, мятеж настоящего человека против социальной ограниченности бытия.

У Тютчева, напротив, в подобном столкновении противоречивых движений души побеждает внеличное стремление. Тютчевскому лирическому «я» свойственно стремление сохранить в неприкосновенности нравственный мир души от посягательств «Бессмертной пошлости людской», жестокого «Суда людского», отсюда призыв к молчанию («Silentium»). В то же время ввиду осознания индивидуалистической ограниченности, возникает желание уйти от себя, от своих обманчивых чувств, забыться в

«океане» жизни природы («Весна», «Сумерки»), поэт готов умереть во имя приобщения к большой внеличной жизни через самовыражение («Как над горячею золой...»). Он провозглашает высокое блаженство общения человека с реальным природным миром («Весь день в бездействии глубоко / Весенний тёплый воздух пить, / На небе чистом и высоком / Порою облака следить...» [9, т. I, т. 144]), находит блаженство и в бурном социальном бытии в «роковые минуты», когда человек живёт над собой, а наблюдает и решает мировые судьбы («Цицерон»). Но своеобразно и противоречиво сочетается с этим влечением к внеличному миру и самозабвению страх перед обезличенным смертным сном («День и ночь»). Отсюда «пробуждение» в поэзии Тютчева оказывается радостным актом возвращения человека к подлинной действительности из нереального, безличного мира снов («Пробуждение»).

Последнее слово и души Лермонтова не «усыпление», а «пробуждение». Также в стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» стремление к покою самозабвения – «Я ищу свободы и покоя! / Я б хотел забыться и заснуть» [4, т. II, с. 208] – побеждается внутренним желанием сохранить личное ощущение жизни: «чтоб в груди дремали жизни силы»; поэт хочет чувствовать любовь и слышать шум жизни. «И жизнь поболее, чем сон», – приходил он к выводу ещё в раннем творчестве. Жизнь в грёзах забытья, с повязкой на глазах, о которой он говорит в «Чаше жизни», – ненастоящая жизнь. Поэт всем творчеством выразил страстную любовь к жизни: «Я жить хочу! Хочу печали...» [4, т. II, с. 44].

У Лермонтова в столкновении двух начал – личного и внеличного – нередко побеждало личное, особенно в раннем творчестве. И хотя в своём знаменитом реквиеме «И скучно и грустно...» он провозгласил: «Что пользы напрасно и вечно желать?», но стихотворным циклом своих «желаний» он уже раньше с большой страстью отверг её. Лермонтовский человек много желает: «...Желанье и тоска / Тревожат беспрестанно

эту грудь» [4; I, 183]. Противоречивая личность постоянно появляется в романтизме Лермонтова.

Душевно-духовное развитие «лермонтовского человека» состояло во всё более глубоко постижении народно-национальных основ русской жизни и сердечного единения с Отчиной, эмоциональном сопереживании и христианском осознании необходимости и неизбежности страданий для человека и его прощения во имя любви к ближнему и самому Божественному бытию, исполненному высокой красоты.

А Тютчев после возвращения в Россию из-за границы всё более погружался в размышления об исторических судьбах России и Европы, о самобытном пути Отечества. Он всё активнее участвовал в конкретных перипетиях социального бытия, внутренней идейной жизни России и её отношениях в Западом, что ярко отразилось и в его стихах, и в письмах. Поэт был преисполнен думами и заботами о православной России и обо всём Славянском мире.

Романтический «индивидуализм» Лермонтова и Тютчева содержал в себе защиту духовно полноценной личности, которую со страстью предприняли романтики, явилась выражением социального протеста против обезличивания человека бездуховным социумом. Однако романтический «индивидуализм» нёс в себе и глубинную ограниченность социального, общефилософского и художественного мышления. Он замыкал поэта в узкий мир своего «я» и мешал широким философски-социальным исследованиям в творчестве, суживая, ограничивая возможности литературы.

В то же время «антииндивидуализм» давал возможность поэту выйти за пределы своей личности к большому миру людей, народа, природы, истории, мог сделаться одной из дорог к реализму. Реализм сохранил то ценное, что нес романтизм – страстную защиту человека и неприкосновенности его

индивидуального мира. Но и альтруистические движения человеческого сердца, представленные романтиками, – это их ценные открытия, наследованные литературой следующих десятилетий. Проблема двух тенденций в личности человека, с большой художественной силой поставленная в романтизме Лермонтова и Тютчева, была принята И.С. Тургеневым, Л.Н. Толстым, но с особым напряжением и художественной экспрессией решается она Ф.М. Достоевским.

Общие явления в поэзии Лермонтова и Тютчева – это наличие прежде всего типологического сходства двух ярких творческих индивидуальностей, однако нельзя отрицать и возможного влияния поэзии Тютчева на Лермонтова в 20-30-х годах, и поэзии Лермонтова – на Тютчева, начиная с 40-х годов его жизни.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аксаков И.С. Биография Фёдора Ивановича Тютчева. Репринт. воспроизв. изд. 1886 г. – М.: АО «Книга и бизнес», 1997. – 175 с.
2. Касаткина В.Н. Поэтическое мировоззрение Ф.И. Тютчева. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1969. – 256 с.
3. Киселёва И.А. Философия ландшафта в поэзии // Ф.И. Тютчев. Проблемы творчества и эстетической жизни наследия: Сб. науч. статей. – М.: Пашков дом, 2006. – С. 241–254.
4. Лермонтов М.Ю. Соч.: В 6 т. –ТМ.; Л.: изд. АН СССР, 1954.
5. Некрасов Н.А. Русские второстепенные поэты // Некрасов Н.А. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 9. – М.: ГИХЛ, 1950. – С. 202–208.
6. Пигарёв К.В. Жизнь и творчество Тютчева. М., – Изд-во АН СССР, 1962. – 376 с.
7. Саводник В.Ф. Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева. – М., 1911. – 211 с.
8. Скатов Н.Н. Родина в поэтической концепции Лермонтова, Тютчева, Некрасова // Проблемы реализма. – Вологда: Вологод. пед. ин-т, 1966. – С. 240–250.
9. Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и письма: В 6 т. – М.: Классика, 2002. – 2005.
10. Щемелёва Л.М. О русской философской лирике XIX века // Вопросы философии. – М., 1974. – № 5. – С. 90–100.